На правах рукописи

КАЗАЗАЕВА Марианна Алексеевна

СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ГРУППЫ НЕТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Иркутский государственный университет».

Официальные оппоненты: *Зиновьева Елена Иннокентьевна,* доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания);

Николаева Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии);

Шептухина Елена Михайловна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», профессор кафедры русской филологии и журналистики).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Защита состоится 09 февраля 2027 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»: http://www.vspu.ru.

Автореферат разослан 01 декабря 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор Шацкая Марина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

К постановке проблемы. В современном языкознании общепризнанным является тот факт, что материал для изучения функционирования языковых единиц в синхронии, позволяющий «увидеть» логику развития парадигматических и синтагматических отношений, а также особенностей иерархических связей языковых единиц как статической точки концентрации накопленных смыслов, предоставляется их системным изучением, дополненным диахроническим анализом. Итогом многочисленных дискуссий, активно проводившихся в научной среде на протяжении всего XX в. относительно примата синхронического подхода перед диахроническим, стало признание того, что только синтез двух подходов дает возможность наиболее точно описать такую динамическую структуру, которой является языковая система в совокупности всех ее иерархически связанных подсистем. Подобный комплексный подход находит своё отражение в большинстве современных работ, относящихся к исследованию языка.

Смена доминирующей научной парадигмы в пользу антропоцентрической привела к признанию того, что познание действительности посредством языка как особой когнитивной системы осуществляется в определенных темпоральных и социокультурных контекстах. При этом с течением времени стало очевидно, что именно диахроническое изучение становления значимых языковых единиц, а также всесторонний анализ истории их развития предоставляют возможность не только объяснить архаические особенности функционирования отдельных концептосфер этноса, но и прогнозировать тенденции их дальнейшего развития.

Проецировать временные ряды из прошлого в будущее помогает определение социокультурных векторов, которым свойственно длительное сохранение своей направленности. Индикаторами таких рядов являются наиболее значимые единицы языка, что подтверждает анализ их соотношений и вариаций.

Несмотря на то, что проблемы разграничения двух научных принципов описания языка (синхронического и диахронического) были затронуты ещё в работах классика мирового языкознания Фердинанда де Соссюра, многие из них до настоящего времени не получили ясного и четкого разрешения и продолжают активно обсуждаться. В течение почти двух столетий по указанному вопросу учеными высказывались разные точки зрения, содержание которых часто зависело от ряда факторов, включая мировоззренческую научную парадигму различных лингвистических школ и направлений.

На современном этапе развития науки о языке сложилось мнение, что существуют познавательные задачи, для решения которых достаточны

методы диахронического либо синхроничного исследования. Однако до сих пор вопросы диахронических тенденций развития языка часто остаются на уровне постановки проблем. Основные затруднения при проведении подобных исследований связаны с тем фактом, что языковая система по своей природе не идеальна, так как она не существует в виде жесткой структуры, а представляет собой постоянно развивающееся явление. Подобный подход требует учитывать факт существования различных функционально-стилистических пластов, характеризующихся заметной вариантностью языковых норм, а также наличия языковых явлений периферийного порядка, частично или полностью не соответствующих общим стандартам данной языковой системы. Таким образом, задача описать систему языка как совокупность подсистем разного уровня, в разной степени контактирующих между собой, привела к необходимости введения термина «открытая система», призванного подчеркнуть особый характер системности, существующей в языке.

До сих пор к числу дискуссионных относится и проблема языкового изменения. В современной лингвистике под *языковым изменением* понимается процесс, протекающий во времени, в результате которого происходит качественно-количественное преобразование языка и его элементов. Именно оно является главной категорией диахронической лингвистики, так как отражает динамичность, подвижность языка во времени. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой рассмотрение языка в диахронии предполагает возможность изучения изменений, которые происходили в языке в промежутке между определёнными точками синхронии (историческими эпохами) в так называемой хронологической языковой перспективе. Под *хронологической перспективой* в данном случае нами понимаются две противоположные точки отчета – начальная точка движения и конечная (результат языкового изменения), между которыми можно проследить все постепенные и промежуточные стадии языкового изменения.

Не отрицая беспрерывности изменений языка на всех его уровнях, считаем, что было бы более точным утверждать, что язык изменяется *дискретно*: когда определенная величина накопившихся изменений становится критической, язык в сравнительно короткое историческое время преображается, переходит в новое качество, таким образом, количественно накопленный объем изменений (вариантов и вариаций) переходит в качественные показатели (становится нормой).

Актуальность исследования. Среди вопросов исторической морфологии и лексикологии русского языка особое внимание ученых привлекают особенности развития и функционирования глаголов нетематической (атематической) группы. По сравнению с системой глаголов тематического спряжения, представленных в русском языке, они отчетливо об-

наруживают в своей семантике и грамматических характеристиках черты архаического характера. Эти черты подробно освещены в специальной научной литературе, хотя это освещение и носит достаточно разрозненный и несистемный характер в силу того, что единого подхода к описанию группы данных глаголов не существует, а имеющиеся классификации базируются на разных основаниях. Некоторыми учеными предлагалось систематизировать глаголы данной группы с позиций их акцентологических характеристик [Хазагеров, 1985; Колесов, 1974, 2005, 2009], либо грамматических особенностей [Мейе, 1951; Вайан, 1952; Лопушанская, 1984, 1990; др.]. Однако чаще всего нетематические глаголы рассматривались обособленно от глаголов тематического спряжения, причем в качестве основного диагностирующего признака просто указывался факт отсутствия в их основе тематического гласного [Павский, 2012; Востоков, 2011; Буслаев, 1959; Потебня, 1874, т. 2; Булаховский, 1939; Шахматов, 2002; Селищев, 1952; Черных, 1952; Кузнецов, 1953, 1959; Иванов, 1983; Хабургаев, 1986; Бомхард, 1993; др.]. Среди современных исследователей наиболее разноаспектный подход к классификации бесприставочных нетематических глаголов предложен О.В. Бондаренко [1997]. Однако, несмотря на большое количество работ по указанной тематике, целостная картина становления и функционирования указанной группы глаголов до сих пор не разработана.

По мнению ряда исследователей, нетематические глаголы относятся к самым древним типам основ, по причине чего восстанавливать их сложнее всего [Колесов, 2005: 389]. Существует предположение, что в древнейший дописьменный период основы данного типа в целом являлись господствующими среди всех индоевропейских корневых образований, однако впоследствии получили тенденцию к утрате; при этом славянские языки сохранили крайне мало нетематических форм (по сравнению с некоторыми другими индоевропейскими языками), однако в последующем своём развитии лучше их удержали [Мейе, 1951: 164]. Исследование группы нетематических глаголов является важным для глагольной системы русского языка по причине того, что изменения данных глаголов в истории древнерусского языка оказали значительное влияние на изменение всех остальных глагольных основ [Колесов, 2005: 465].

В целом следует отметить, что система русского языка как единый комплексный организм изучена далеко не полностью. Особенно это касается ее наиболее отдаленных исторических участков, на которых многие фрагменты языковой системы реконструированы частично либо не реконструированы вовсе. Проблемой является то, что достаточно часто история отдельных слов или языковых явлений представлена как изолированный процесс, оторванный от общих закономерностей исторического раз-

вития данного языка [Виноградов, 1995]. В этом отношении комплексный подход к изучению языковых единиц и малых подсистем с использованием современных лингвистических методов является крайне востребованным и актуальным.

Объектом настоящего исследования является полевая структура нетематических глаголов, рассматриваемая в диахронии и интерпретируемая как малая языковая система особого рода, исторически сложившаяся в доисторический период существования языка и сохранившаяся как особый лингвистический феномен на протяжении ряда исторических периодов русского языка.

Предметом исследования являются нетематические глаголы как особая малая языковая система во всей совокупности их глагольных форм и производных образований, а также типы системных отношений, которые характерны для каждого из указанных нетематических глаголов на эпидигматическом, парадигматическом и синтагматическом уровнях на синхронных срезах XIV–XV и XVII вв.

Целью данной работы стало проведение комплексного исследования лексико-семантических, грамматических и функциональных особенностей нетематических глаголов, а также производных образований, восходящих к указанным глаголам и засвидетельствованных в памятниках письменности двух исторических эпох (на синхронных срезах XIV–XV и XVII вв.), с последующей реконструкцией полевой структуры указанных нетематических глаголов для наблюдения и выявления основных, типологически значимых тенденций структурных изменений внутри указанной локальной группы глаголов.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач.**

1. Рассмотреть проблему соотношения синхронного и диахронического подходов к описанию языковых фактов, проанализировать ключевые проблемы диахронической лингвистики. В русле указанной проблематики рассмотреть понятия *языковая системность, языковое изменение,* изучить современное состояние проблем *хронологизации исторических периодов, достоверности языковых реконструкций, принципов выделения синхронных срезов*, ряд других.

2. Определить хронологические границы проведения исследования (синхронный срез 1, синхронный срез 2). Сформировать на материалах летописных текстов древнерусского письменного периода (XIV–XV вв.) и сочинений протопопа Аввакума и его современников (XVII в.) корпус текстов, содержащих примеры использования нетематических глаголов и производных от них образований. Проанализировать диапазон и специфику употребления структурно-семантических и функциональных рядов

выявленных нетематических глагольных форм и производных от них образований на каждом из изучаемых хронологических отрезков.

3. Провести сопоставительно-диахронический анализ выявленных парадигматических рядов и их особенностей на двух синхронных срезах (XIV–XV вв. и XVII в.), описать изменения (сходства и различия); выявить синтагматические связи, в которые вступают анализируемые глаголы на разных уровнях изучаемых текстов.

4. Определить характерные особенности каждого из исследуемых нетематических глаголов (индивидуальные признаки); выделить и проанализировать универсальные признаки, которые маркируют общие черты указанных глаголов и способствуют их объединению в общую группу.

5. Рассмотреть особо трудные случаи в употреблении нетематических глаголов на разных языковых уровнях и особенности других их модификаций: проанализировать спектр функционально-семантических возможностей инфинитива и причастных форм, образованных от нетематических глаголов; выявить их структурно-семантический состав и способы формирования новых значений.

6. Используя данные структурированных лингвистических парадигм, выстроить целостную систему их взаимодействия; на основе полученных данных реконструировать полевую структуру нетематических глаголов (ядро, приядерная зона, зона периферии).

Материалом исследования послужили 6555 несовпадающих минимальных контекстов, извлеченных из памятников древнерусской письменности XIV–XV вв. и старорусской письменности XVII в., содержащих примеры употребления нетематических глаголов и их производных образований. В рамках настоящего исследования под понятием «выборка» мы понимаем совокупность наблюдаемых глаголов нетематического спряжения, зафиксированных в двух хронологических точках (синхронных срезах) развития языковой системы изучаемого языка: 1) завершение древнерусского периода (XIV–XV вв.); 2) завершение старорусского периода (XVII в.).

Источники материала исследования. С самого начала документированной письменной истории русского языка отчетливо выделяются ключевые периоды интенсивных языковых изменений, которые обнаруживают определенную временную закономерность в своем повторении. Для проведения настоящего исследования нами была взята для анализа уникальная в лексико-грамматическом отношении группа нетематических глаголов, особенности функционирования которых изучались на двух синхронных срезах, представляющих, по нашему мнению, подобные значимые точки смены синхроний: 1) *синхронный срез 1* (далее – СС1), отмечающий хронологический рубеж конца древнерусского периода (XIV–XV вв.), и 2) *синхронный срез 2* (далее – СС2), отмечающий хронологический рубеж,

связанный с завершением старорусского периода (XVII в.). В указанные исторические периоды ученые фиксируют всплеск изменений практически на всех уровнях языковой системы – от лексики и грамматики до фонетики. В ходе происходящих процессов накопленные количественные языковые изменения переходили в качественно новое состояние, меняя облик всей системы.

Выбор и характеристика источников на СС1. Для исследования парадигмы нетематических глаголов в древнерусский письменный период были привлечены тексты близких по содержанию общерусских летописей, изданных в составе Полного собрания русских летописей (далее – ПСРЛ): Лаврентьевская летопись (Т. I, СПб., 1846; 2-е изд. – Т. I, вып. 1, Л., 1926; 4-е изд., репр., – М., 1997), Ипатьевская летопись (Т. II, Пг., 1923), Радзивиловская летопись (Т. 38; Л., 1989), Московско-Академический список Суздальской летописи (Т. I, вып. 2, Л., 1927; Т. I, вып. 3, Л., 1928). Общей частью этих летописей (с незначительными разночтениями) является текст «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), занимающий в них значительное место: в составе Лаврентьевской летописи это листы с 1 об. по 95 об. (до 1110 г.), в Ипатьевской летописи это листы с 3 по 106 об. (до 1117 г.).

В процессе проведения выборки и ее последующего анализа за основу нами был взят текст Лаврентьевской летописи 1377 г. (прослеживает события до 1305 г.), дополненный записями из Московско-Академического списка Суздальской летописи (доведены до 1419 г.). Вставки-дополнения ряда фрагментов ПВЛ реконструируются учеными по текстам Радзивиловской летописи (листы с 14 по 21, а также с 238 об. по 245 об.), а также Ипатьевской, которые содержат ряд сведений, отсутствующих в Лаврентьевской летописи. Согласно современным научным представлениям, летописи относятся к текстам так называемого гибридного регистра, специфической чертой которых является интерференция книжных и некнижных средств языкового выражения [Живов, 2004: 44]. В этом отношении сопоставление разных списков и редакций ПВЛ, лежащих в основе указанных летописей, отражает перелом в развитии литературного языка, когда древнерусский язык начинает вытеснять прежние старославянские формы, и позволяет проследить и сопоставить различные хронологические слои со специфическим для них стилевым оформлением.

Выбор и характеристика источников на СС2. Основными источниками для исследования парадигмы нетематических глаголов старорусского письменного периода послужили сочинения старообрядческой литературы. Сюда вошли имеющиеся издания текста «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», представленные в разных редакционных вариантах, а также другие сочинения указанного исторического периода: послания, челобитные, письма, памятные записки, обращения Аввакума

к единомышленникам. Общее количество произведений указанного исторического периода составило более 20 источников.

За исходный вариант текста «Жития» при проведении настоящего исследования нами было взято репринтное издание 1861 г., – первое официальное издание данного текста, выполненное с сохранением его оригинальной стилистики. В виде репринтного издания (1951, г. Париж) были проанализированы послания Аввакума, его челобитные и письма, включая переписку с боярыней Морозовой. Данное издание представляет собой репринт подлинных свитков из собрания Синодальной библиотеки, а также из библиотеки митр. Макария, включая списки из библиотеки А.И. Хлудова. Еще одним источником для проведения настоящего исследования стал так называемый Пустозёрский сборник (1674–1675 гг.), принадлежавший И.Н. Заволоко, ныне хранящийся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом АН, Древлехранилище, ОП, оп. 24, № 43), изданный АН СССР в 1975 г. и содержащий отсканированный автограф одного из вариантов «Жития протопопа Аввакума», дополненный несколькими его посланиями и обращениями, а также рядом сочинений ближайших соратников протопопа. Кроме того, были использованы тексты сочинений Аввакума, отсутствующие в перечисленных выше изданиях, представленные в составе сборника «Библиотека литературы Древней Руси» (т. 17. XVII в.), изданного Российской АН в 1997 г.

Все указанные литературные произведения являются уникальными памятниками русской литературы XVII в., главным отличием которых от других сочинений указанного исторического периода является простота изложения, наличие разговорных слов и выражений. Если говорить о «Житии», ряде посланий и писем, то их отличительной чертой является необязательность в следовании литературным канонам и нормам эпохи. Как писал Аввакум Петров: «**понеже люблю свой русской природной язык, виршами филосовскими не обыкъ рѣчи краситъ**» [Пустозерский сборник, 1975: 112].

В процессе обработки статистических данных мы учитываем, в качестве независящего от нас условия, тот факт, что изучаемые памятники письменности должны были быть написаны литературным языком и в целом стремились отвечать литературным нормам и стилистическим канонам своей исторической эпохи. По наблюдениям Н.Г. Николаевой, богословское содержание многих старорусских памятников обусловило консервативность их языка и стиля, что следует учитывать при анализе [Николаева, 2008: 44]. Нами принимается во внимание и то обстоятельство, что несовершенство средневековых графических систем при передаче ряда написаний, использование традиционных принципов орфографии, а также консервативный характер литературной нормы, допускающий ис-

пользование архаичных форм, могут являться факторами, затрудняющими исследование языковых процессов по письменным памятникам других исторических эпох.

По указанной причине для проведения исследований памятников письменности синхронного среза 1 и синхронного среза 2 нами были взяты для изучения произведения разной жанровой и стилистической отнесенности, включающие в свою текстовую структуру, в большей или меньшей степени, единицы разговорного характера. На синхронном срезе 1 наиболее многожанровым и разностилевым памятником письменности является летопись, включающая в свой состав тексты договорных грамот, письма политических деятелей, элементы фольклорных жанров, воинских повестей, житийной литературы и др. Памятники письменности, подвергшиеся анализу на синхронном срезе 2, также представлены текстами, разнородными в жанровом и стилистическом отношении: «Житие протопопа Аввакума» представляет собой соединение элементов житийной прозы с новым жанром автобиографии; послания, памятные записки и челобитные к царю демонстрируют образец приказного слога, который здесь почти впервые использован в литературно-стилистических целях; в письмах и посланиях Аввакума и его соратников эпистолярная письменность представлена в литературной и семейно-бытовой форме с элементами бытового разговорного языка (как и в «Житии»); «Обращение Аввакума к “чтущим” и “слышащим”» представляет пример религиозной дидактической прозы с элементами публицистического стиля.

С целью уточнения значений отдельных словоформ в процессе работы нами привлекались данные специализированных словарей: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О.Н. Трубачева, «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков». В качестве дополнительного материала справочного характера нами были использованы данные «Словаря русского языка XVIII в.», «Словаря старославянского языка» и ряда других, а также данные картотеки Института русского языка им. акад. В.В. Виноградова РАН к «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)». Полный перечень текстовых и электронных источников представлен в *списке литературы* и в *списке источников* диссертационной работы.

Степень разработанности темы. Характерным является обращение ряда исследователей синхронной семантики и словообразования к диахроническому материалу [Лопушанская, 1984; Урысон, 1998; Яковлева, 1998; Зализняк Анна, 2001; Зиновьева, 2001; 2003; 2012; Давлетукаева, 2002; Ка-

лимуллина, 2006; Шептухина, 2006; 2010; 2012; Чапаева, 1993; 1998; 2014; Николаев, 2006; 2009; Николаева, 2008; Дронова, 2013; Готлан, 2015; Григорьев, Орлова, 2019; Григорьев, 2022; Заварзина, 2021; Любезнова, Выходцева, 2021; др.]. В работах указанных ученых находим многочисленные примеры того, как слово продолжает сохранять информацию, относящуюся к древнейшим дописьменным периодам, несмотря на то, что с течением времени оно могло изменить свою фонетическую форму или претерпеть ряд семантических преобразований. Вместе с тем на современном этапе развития лингвистики признанным является тот факт, что проведение синхронно-диахронических исследований должно включать в себя не просто формальное перечисление языковых фактов и их описание, но также изучение всего комплекса сопутствующих явлений, включая учет взаимовлияния синхронных связей изучаемых языковых единиц на разных языковых уровнях системы, а также анализ закономерностей появления одного языкового явления из другого. Подобный подход к проведению научных исследований является крайне востребованным в области современного исторического языкознания.

Методологической основой исследования являются следующие общетеоретические положения:

I. *Философские принципы*: 1) принцип диалектического единства части и целого, который предполагает а) объективное существование свойств целого в его части, равно как и свойств части в целом; б) несводимость целого к механической сумме его частей; 2) принцип историзма, предусматривающий рассмотрение становления и развития существенных явлений в связи с конкретными историческими условиями.

II. *Общенаучный принцип* системного подхода, в соответствии с которым анализируемый объект изучается в единстве с контекстом, в пределах которого функционирует как часть высказывания или предложения.

Теоретическую основу диссертации составили научные труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам *философии языка и синхронно-диахронического подходов в языкознании*: И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.Д. Андреева, Т.В. Гамкрелидзе, Ж.Ж. Варбот, Б.В. Горнунга, М.М. Гухман, И.Г. Добродомова, Вяч.Вс. Иванова, Е.С. Кубряковой, В.М. Жирмунского, Л.П. Дроновой, Э.А. Макаева, А.В. Григорьева, Г.А. Климова, Е.В. Бондаренко, Л.Г. Чапаевой; В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Г. Пауля, О. Есперсена, В. Барнета, Э. Косериу, Э. Бенвениста, А. Мартине, Р.О. Якобсона, Х. Бирнбаума, Л. Блумфилда, Й. Хамма, Н. Хомского, Анны А. Зализняк;

теоретические посылки *грамматики русского языка*: Р.И. Аванесова, В.Г. Адмони, С.Б. Бернштейна, В.А. Богородицкого, А.М. Пешковского, А.А. Реформатского, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Н.Р. Добрушиной, А.А. Зализняка;

лингвистические положения *исторической грамматики*: Ф.И. Буслаева, А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, А. Вайана, А. Мейе, Ф.П. Филина, П.Я. Черных, В.И. Борковского, Г.А. Хабургаева, П.С. Кузнецова, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, В.В. Колесова, В.М. Живова, Г.А. Николаева;

разработки в области *классификации славянского глагола и истории формирования его парадигм*: С.И. Карцевского, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, С.А. Бозовой, А.Р. Бормхард, Р. Комте, Н.Ю. Шведовой, А.В. Бондарко, Е.Н. Зиновьевой, С.П. Лопушанской, Е.М. Шептухиной, Н.Г. Николаевой и других.

Методы исследования. В ходе проведения исследования использовались следующие лингвистические методы: ***описательно-исторический метод***, располагающий системой приёмов и процедур комплексного изучения объекта (применялся с целью идентификации и семантико-функциональной интерпретации глагольных словоформ и их дериватов, а также разграничения общеязыковых и индивидуально-авторских особенностей их реализации в контексте); ***синхронно-диахронический метод,*** обеспечивающий возможность соотнесения языковых фактов, относящихся к последовательно сменяющим друг друга историческим этапам; ***категориальный метод,*** служащий основанием для типологической группировки выделенных глагольных единиц с последующим анализом как внутренней структуры образованных классов, так и положения каждой отдельной словоформы в системе соответствующей парадигмы. В качестве вспомогательных нами были привлечены элементы ***сравнительно-исторического метода, функционально-семантического метода, интерпретации словарных дефиниций, метода контекстуального анализа.*** Изучение динамических процессов постепенных изменений в составе группы нетематических глаголов на различных этапах истории русского языка базировалось также на основе данных, полученных с применением ***приема количественных подсчетов*** для характеристики частоты употребления каждого из глаголов в различные исторические периоды.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования опирается на исходное положение о том, что нетематические глаголы являются одной из важнейших составляющих динамически подвижной сферы грамматики языка, описывающей важнейшие экзистенциальные характеристики человеческого бытия: отношение человека к миру и себе, состояние его пребывания в мире (фазисные значения существования); процессы событийной и локализующей сфер существования; процессы, связанные с познавательной деятельностью человека (**БЫТИ / ІЄСМЬ, ВѢДѢТИ / ВѢМЬ**). С другой стороны, их особенностью являлось то, что они использовались для обозначения очень конкретных действий, связанных с процессом жизненно-

го функционирования человека (**ДАТИ / ДАМЬ, ИМАТИ / ИМАМЬ, ѢСТИ / ѢМЬ**). Можно говорить о двуприродности семантического содержания полевой структуры данных глаголов: наряду с максимально абстрактными понятиями, которые способна описать человеческая мысль, они могли выражать максимально конкретные, но вместе с тем жизненно важные действия бытового характера (фазы существования, процесс дарения или приобретения, процесс приема пищи). Подобный функционально-семантический синкретизм обусловил устойчивую релевантность парадигм указанных глагольных единиц на протяжении значительных хронологических отрезков. В отношении лексем, формирующих ядро группы (**БЫТИ, ДАТИ**, частично – **ѢСТИ**), данный синкретизм явился фактором, способствовавшим консервации их экстрасистемного положения по отношению к продуктивным глагольным классам, – закономерность, которая прослеживается и на современном этапе развития русского языка.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в рамках данного исследования 1) разработана целостная полевая модель группы нетематических глаголов, интегрирующая синхронный и диахронический аспекты их функционирования; 2) выявлены и описаны структурные типы нетематических глаголов в их динамике: установлено, что ядерные единицы (**БЫТИ, ДАТИ**) сохраняют исконные глагольные функции и высокую частотность, в то время как периферийные (**ВѢДѢТИ, ИМѢТИ**[1]) демонстрируют последовательную утрату позиций с переходом в пассивный запас; 3) определены количественные параметры деривационной активности каждого глагола на двух хронологических срезах (XIV–XV и XVII вв.), что позволило объективировать процессы их языковой эволюции; 4) реконструирована последовательность семантических изменений каждого члена группы с доисторического периода до начала исторического; установлены закономерности функционально-семантического развития, включая процессы специализации значений и утраты полифункциональности отдельными членами данной группы глаголов; 5) на конкретном исследовательском материале продемонстрировано, что синхронно-диахронический подход позволяет не только описать статическое состояние системы, но и выявить механизмы её динамики в критические периоды развития языка (XIV–XVII вв.).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты и сделанные обобщения могут быть применены для дальнейшей разработки и конкретизации ряда положений теории диахронической лингвистики в следующих аспектах: для уточнения взаимосвязи между синхронным и диахроническим подходами при описании языковых явлений; при описании вопросов языковой системности, языкового изменения; при изучении проблем хронологизации исторических периодов, до-

стоверности языковых реконструкций; при уточнении принципов выделения синхронных срезов, а также в других вопросах. Заключения данного исследования могут иметь значимость для освещения вопросов грамматической теории истории языка, прежде всего в аспекте изучения истории формирования системы русского глагола, а также для исторической морфологии и лексикологии в ряде аспектов: проявление многозначности у глаголов с абстрактной семантикой; конкуренция глаголов, совпавших по значению; влияние контекста на проявление определённой семантики у глагольных форм; роль неспрягаемых образований глагола **БЫТИ** (инфинитива, причастий) в системе предикативных глагольных форм; формирование сложных союзов с частицей аористного происхождения **БЫ**, и другие. Выводы диссертации могут служить теоретической базой для дальнейших исследований в области исторической грамматики и диахронической лингвистики в целом.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов данной работы в практике вузовского преподавания: при разработке лекционных курсов, практических и семинарских занятий по истории русского языка, исторической грамматике, современному русскому языку, общему языкознанию; в методическом аспекте – при составлении учебных пособий и программ по соответствующим дисциплинам; в исследовательской практике – в качестве источника фактического материала и методологической основы для исследовательских работ в процессе дальнейших научных изысканий в области диахронической лингвистики и исторической грамматики русского языка.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Основная линия диахронии представляет собой последовательность ряда синхроний – сменяющих друг друга синхронных состояний языка. Языковой вектор истории конкретного языка представляет собой хронологическую перспективу, на всем протяжении которой фиксируются чередования как относительно устойчивых периодов развития системы, способствующих ее стабилизации, так и интервалов, представленных состоянием наибольшего «возмущения системы». Именно в подобных кризисных точках язык демонстрирует подверженность *максимальному влиянию* каких-либо внешних или внутренних факторов, приводящих к изменению как отдельных фрагментов, так и всей системы.

Подобные *пики активности* языковой системы имеют тенденцию совпадать с социально напряженными периодами развития истории определенного этноса. Если последовательно расположить события истории русского языка на хронологической перспективе и проанализировать изменения, происходящие на разных языковых уровнях системы, то можно заметить, что пики наибольшей языковой активности стабильно фиксируются

через определенные временные интервалы. Однако можно выделить и менее значительные точки «возмущения» системы, тем не менее важные для развития языка. Наблюдение за нарастанием или затуханием вариантности в данных определенных точках языковой системы может помочь исследователю объективно оценить линию смены синхроний.

2. Языковые изменения наиболее вероятны там, где системные связи слабее. Их подготовка на уровне синхронии начинается с нарастания средней величины объема количественных отклонений от нормы (вариантов и вариаций), которые, наращивая частотность употребления, постепенно вытесняют ранее принятые нормативные формы. При этом свойство гибкой стабильности языка позволяет изменениям затрагивать лишь отдельные активные участки малых подсистем. Эти активные единицы с высокой частотностью фокусируют в себе общую тенденцию и могут стать образцом для более масштабных изменений. Таким образом, изменение всегда соотнесено с конкретной малой системой: оно зависит от нее и одновременно влияет на ее внутренние связи.

3. В истории русского языка от доисторических периодов его развития до современного состояния группа нетематических глаголов представляет собой малую систему, структурированную по полевому принципу, ядро которой стабильно сохраняется на протяжении всех зафиксированных исторических периодов, а периферия ведёт себя по-разному. Характер изменений меняющихся единиц в зоне указанной периферии может быть одним из маркеров ***точек разграничения синхроний*** *русского языка*, фиксируя периоды относительного равновесия указанной системы или, напротив, ее нестабильности.

4. Исторически нетематические глаголы получили толчок к своему дальнейшему функционированию ещё в доисторический индоевропейский период в качестве обособленной системы, объединившей пять (первоначально значительно больше) глаголов. Решающим фактором, обусловившим их интеграцию и последующую устойчивость, явился синкретизм *лексического значения* данных единиц, сопряженный с *грамматическим потенциалом* их основ, а также значительный объем обозначаемых ими семантик, как абстрактного, так и конкретного характера, которые были максимально востребованы для описания важнейших реалий объективной действительности. Семантический синкретизм, свойственный большинству нетематических глаголов, способствовал тому, что при построении своих парадигматических рядов они могли выходить за рамки традиционных возможностей глагола и выступать одновременно с целым набором семантик; важной семантической чертой указанных глаголов стало то, что они были способны обозначать действия вневременного характера (семантика бывшего индоевропейского *инъюнктива*), что также по-

вышало уровень востребованности данных глаголов и способствовало их выделению в особую системную модель.

5. **Ядро *нетематических глаголов*** формирует супплетивный глагол **БЫТИ / ѢСМЬ**, проявляющий все признаки группы: многозначность, семантический синкретизм, полифункциональность («идеальная» связка – термин А.М. Пешковского [1934]). Его основные значения связаны с экзистенциальными категориями бытия, что обусловливает максимальную абстрактность глагола. Являясь словом-лидером группы, **БЫТИ** наиболее продуктивен в глагольной функции, но характеризуется низкой деривационной активностью.

В приядерную зону входит глагол **ДАМЬ**, демонстрирующий сходные с лидером свойства (многозначность, синкретизм, полифункциональность), но по ряду статистических показателей отстающий от **БЫТИ**. Его значения связаны с общественными и имущественными отношениями, они более конкретны и менее синкретичны, чем у **БЫТИ**.

Промежуточную зону между ***приядерной*** и ***периферийной*** занимает глагол **ѢМЬ** (‘принимать пищу’). Его семантическая специфика состоит в выражении узкого значения (конкретный физиологический процесс), допускающего минимальный уровень абстракции. Однако данное значение, в силу высокой актуальности указанного действия для человеческой жизнедеятельности, демонстрирует высокий уровень стабильности исходного семантического ядра. Указанные причины делают этот глагол изолированным в данной малой системе: в отличие от предыдущих глаголов, он не демонстрирует большого разнообразия значений, не отличается широкими возможностями функциональной парадигмы, но при этом остается стабильным и востребованным в своем конкретном употреблении.

На периферию отнесены глаголы **ВѢДѢТИ / ВѢМЬ, ИМѢТИ[1] / ИМАМЬ**, в истории русского языка утратившие активные позиции и вытесненные более продуктивными глаголами. Признаком нахождения на периферии малой системы нетематических глаголов **ВѢДАТИ / ВѢМЬ, ИМѢТИ[1] / ИМАМЬ** является их более уязвимая позиция на уровне взаимодействия с другими единицами глагольной подсистемы, что проявилось в утрате указанными глаголами активных позиций и переходе в пассивный запас, а в дальнейшем – к окончательному выходу из общего употребления. Исторически **ВѢДѢТИ / ВѢМЬ** вступил в отношения конкуренции с производным тематическим **ВѢДАТИ / ВѢДАЄМЬ**, который впоследствии был вытеснен глаголом **ЗНАТИ / ЗНАЄМЬ**. Глагол **ИМѢТИ[1] / ИМАМЬ** также вступал в конкурентные отношения: с одной стороны, он противостоял славянскому новообразованию **ИМѢТИ[2] / ИМѢЮ**, которое первоначально характеризовалось нетематическим типом спряжения, однако в дальнейшем получило парадигму тематических глаголов 3-го класса);

с другой стороны, он конкурировал с этимологически родственным тематическим глаголом **ѧти / имѫ**, а также с глаголом **бьрати / бьрѫ**, которые впоследствии образовали супплетивную парадигму. С течением времени указанные процессы привели к окончательному исчезновению форм нетематического глагола **имѣти[1] / имамь** наряду с сохранением актуальности тематических глаголов **имѣть[2] / имею** и **взять / беру**.

6. На уровне диахронии одним из признаков подобного рода намечающихся изменений является 1) снижение в памятниках письменности количества примеров функционирования данных глагольных форм, 2) появление большого количества *вариантов* их производных образований (часто другой частеречной принадлежности: существительные, прилагательные, наречия, причастия).

Статистика подтверждает указанные тенденции: у ядерных **быти / ѥсмь, дати / дамь** доминируют глагольные формы (на СС1 – 84,71% и 76,81%, на СС2 – 67,18% и 66,09%). У глагола *периферийной* зоны **имѣти[1] / имамь** глагольные формы представлены в 61,17% примеров на СС1 и 65,38% на СС2. Периферийный глагол **вѣдѣти / вѣмь**, а также глагол **ѣсти / ѣмь,** который мы интерпретируем как элемент, относящийся к особой *переходной зоне* полевой структуры данных глаголов, представлены самым низким уровнем частотности зафиксированных глагольных форм: **вѣдѣти / вѣмь** – 34,71% на СС1 и 37,66% на СС2, **ѣсти / ѣмь** – 37,5% глагольных форм на СС1 и 45,1% на СС2.

Важный признак включенности в ядерную и приядерную зоны – сохранение глаголами **быть, дать, есть** (‘принимать пищу’) высокой продуктивности в современном языке. Они не встроились в современную глагольную систему и продолжают сохранять самобытность, что свидетельствует в пользу того, что указанные языковые реликты до сих пор включаются в число актуальных глагольных форм и являются одной из важнейших составляющих языковой системы.

7. Суффиксация представлена в глагольной деривации чаще всего на уровне формирования новых основ. Общей тенденцией, проявившейся в доисторический период, стало сокращение количества нетематических основ и образование на их базе основ тематических. Глаголы **дати, вѣдѣти** (нетематические основы с семантикой непредельного действия) → **даѩти / давати, вѣдати** (тематические основы с семантикой предельного действия), **имати** (длительное действие, непредельное) → **имѣти** (непредельное) → **ѩти / ѥмлю** (глагол с основами перфектной семантики, совмещающий предельное и непредельное значения).

Глагол **ѣмь** и в данном случае представляет собой обособленное явление: в наших материалах представлен одной нетематической (длительной) основой. Суффиксальные тематические производные образования у

него отсутствуют (форма **ѢДАТИ,** обозначающая многократное действие, в наших материалах не зафиксирована).

Исключение также составляет глагол **БЫТИ** / **ІЄѠТЬ** с характерной для него специальной основой будущего времени **БѹД-**, способной передавать значения как предельного, так и непредельного действия. Кроме того, еще в праславянский период у данного глагола появилась тематическая форма **БЫВАТИ,** которая первоначально могла употребляться как в итеративном (регулярность, повторяемость действий), так и в неитеративном значении, включая актуально длительное.

8. Префиксация у нетематических глаголов представлена слабо по сравнению с тематическими образованиями, сопровождающими указанные глаголы. Наибольшее разнообразие префиксов зафиксировано у периферийных **ИМАМЬ, ВѢМЬ**, что может свидетельствовать о попытке данных глаголов компенсировать утрачиваемые позиции в системе языка.

В полевой структуре нетематических глаголов мы выделили следующие уровни деривационной активности (по количеству префиксальных форм, в порядке возрастания): 1) крайне низкая – **БЫТИ** / **ІЄѠМЬ** (2,27% на СС1 и 7,43% на СС2); 2) низкая – **ѢМЬ** (17,19% на СС1 и 27,45% на СС2)**;** 3) средняя – **ДАМЬ** (30,42% на СС1 и 45,22% на СС2); **ИМАМЬ** (24,76% на СС1 и 34,62% на СС2); **ВѢМЬ** (34,47% на СС1 и 38,96% на СС2). В текстах на СС2 отмечено увеличение уровня деривационной активности у всех глаголов данной локальной группы.

Также была установлена закономерность: ядерный глагол **БЫТИ** / **ІЄѠТЬ** характеризуется доминированием *бесприставочных* форм в исследованные исторические периоды (на СС1 и СС2), устойчиво сохраняя свои исконные значения. Периферийные глаголы **ИМАМЬ, ВѢМЬ** в текстах на СС1 и СС2, напротив, демонстрируют высокую способность к образованию *префиксальных* глагольных форм, таким путем развивая новые формы и лексические значения.

9. Причинами **устойчивости** нетематических глаголов в системе русского языка считаем следующий ряд факторов, а именно: 1) на уровне семантики: данные глаголы выражали значения, имеющие отношение к важным сферам человеческой жизнедеятельности: *экзистенциальная* семантика у **ІЄѠМЬ** / **БЫТИ**, *знаниевая* – у **ВѢМЬ**, семантика *передачи / вручения* – у **ДАМЬ**, *обладания* – у **ИМАМЬ**, *приема пищи* – у **ѢМЬ**; 2) на уровне грамматики: исторически нетематические глаголы характеризовались особым типом основ, способных передавать значения вневременной длительности (формы бывшего инъюнктива), а также были пригодны для обозначения разных в отношении длительности / недлительности процессов, что обусловило широкий спектр их использования; 3) частота употребления этих слов содействовала их сохранению как особых гла-

гольных форм, несмотря на наличие нередко глубоко архаичных особенностей, сохранение которых отмечается на протяжении обозримого ряда исторических эпох и до сих пор мало поддается влиянию основных типов современной глагольной системы.

Достоверность результатов исследования обеспечивается системным подходом к решению проблем исследования; выбором актуальных научных методов, адекватных логике исследования и реализуемых задач; выбором в качестве методологической базы проводимого исследования научных трудов авторитетных отечественных и зарубежных ученых (И.А. Бодуэна де Куртенэ, С.Б. Бернштейна, Н.Д. Андреева, Т.В. Гамкрелидзе, Ж.Ж. Варбот, Б.В. Горнунга, М.М. Гухман, И.Г. Добродомова, Вяч. Вс. Иванова, Е.С. Кубряковой, В.М. Жирмунского, Л.П. Дроновой, Э.А. Макаева, Г.А. Климова, Е.В. Бондаренко; В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Г. Пауля, О. Есперсена, В. Барнета, Э. Косериу, Э. Бенвениста, А. Мартине, Р.О. Якобсона, Л. Блумфилда, Й. Хамма, Н. Хомского, Анны А. Зализняк и многих других); наличием самостоятельных авторских выводов, полученных на основе анализа собранного и проанализированного репрезентативного материала; отражением основных результатов исследования в научных публикациях и докладах на конференциях разного уровня.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались в очном и дистанционном форматах на 34 международных, всероссийских и межрегиональных научных конгрессах (Иркутск, 2002, 2004), конференциях (Иркутск, 1999, 2001, 2002, 2006, 2009, 2017, 2018, 2019, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025; Волгоград, 2002, 2005, 2014, 2017; Уссурийск, 2009, 2012; Москва, 2013, 2014; Екатеринбург, 2013; Уфа, 2015; Вологда, 2015, 2017; Харьков, 2018; Петрозаводск, 2019, 2020), симпозиумах (Волгоград, 2000), семинарах-совещаниях (Иркутск, 2006) и научных чтениях (Волгоград, 1998, 2011; Иркутск, 2009).

По теме исследования опубликовано 56 научных работ общим объемом 66,4 п. л., включая 16 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ (общим объемом 9,59 п. л.), монографию «Синхронно-диахронический подход в языкознании: проблематика и перспективы» (11,86 п. л.), а также 37 научных статей в других изданиях (общим объемом 13,45 п. л.). По материалам работы в Иркутском государственном университете в 2014–2022 гг. в рамках магистерской программы «Филологическое образование» читались курсы, для обеспечения которых были изданы авторские учебные пособия «Диахронический подход в практике современного преподавания русского языка» (15 п. л.), «Историческое комментирование фактов современного русского языка как основа формирования культуроведческой компетенции в практике школьного преподавания» (16,5 п. л.).

Структура работы. Диссертационное исследование объемом 690 с. состоит из введения, трех глав, заключения, списка принятых в тексте работы сокращений, списка источников, списка использованной литературы (514 наименований), четырех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы выбор темы, её актуальность и научная новизна исследования, определены объект и предмет, сформулированы цель и задачи, обозначены хронологические рамки, раскрыты теоретическая и практическая значимость, методологические основы и методы, изложены положения, выносимые на защиту, указаны виды апробации.

Глава 1 «Теория синхронно-диахронического подхода в языкознании» состоит из двух параграфов и посвящена описанию теоретической базы исследования.

В ***параграфе 1.1*** рассмотрено содержание понятия «языковая системность», представлен обзор истории соотношения синхронного и диахронического подходов, анализ их взаимодействия на современном этапе развития отечественного и зарубежного языкознания.

Параграф 1.2 посвящен описанию проблем языкового изменения и значения этого процесса как преобразования сменяющих друг друга синхронных состояний языка, а также проблеме хронологизации исторических периодов.

Отмечено, что в языковой системе преобладающее значение имеют малые, частные системы, парадигматические ряды и парадигмы, фонологические оппозиции и т. п., образующие узлы языковой структуры. Изменение единицы языка осуществляется как изменение компонента малой системы и не может быть самодовлеющим и изолированным: оно соотнесено с этой системой и влияет на ее внутренние связи.

Диахронию можно представить как последовательность сменяющих друг друга синхроний. В этом движении нет границ, но существуют определённые точки – синхронные срезы. На материале малых языковых групп (в данном случае – нетематических глаголов) можно выявить границу смены синхроний, определив условия ее формирования. Процессы смен синхроний неоднородны: периоды медленного накопления вариантов и вариаций сменяются активными фазами, когда количественные изменения переходят в новое качественное состояние.

Глава 2 «Синхронно-диахроническое развитие нетематических глаголов в истории русского языка» состоит из двух параграфов.

Параграф 2.1 посвящен рассмотрению проблем классификации русского глагола и современному состоянию вопроса. Излагается базовая концепция развития глаголов нетематического спряжения.

Вопрос о принципах классификации русского глагола до сих пор не имеет однозначного решения. Существуют несколько моделей подобного описания, конкурирующих друг с другом и содержательно отвечающих русской традиции: традиционный бинарный подход (основанный на орфографическом принципе) и синхроническая классификация (в основе лежит принцип продуктивности разных глагольных моделей – С.И. Карцевский, А. Мейе). Современные подходы могут сочетать обе указанные модели, дополняя их другими условиями (учет суффиксов основ, предшествующих суффиксу инфинитива, и другие).

Согласно современным взглядам, в раннем индоевропейском языке глагол был достаточно развитой частью речи с рядом грамматических категорий (наклонение, время, залог, лицо и число), но не отличался стандартностью парадигм. Первоначально глагольные формы были двухморфемными (основа + окончание). Позднее основы разделились на тематические (с гласной -e-, чередующейся с -o-) и атематические. Возникновение тематических основ Н.Д. Андреев относит к старшему позднеиндоевропейскому периоду [1957]. В процессе генезиса индоевропейской глагольной системы происходило уменьшение числа атематических основ и увеличение тематических [Meier-Brügger, 2003], что соответствовало общей тенденции к стандартизации глагольных парадигм.

Славянские языки, по свидетельству А. Мейе, сохранили мало нетематических форм, но впоследствии удержали их лучше, чем некоторые другие индоевропейские языки [Мейе, 1951: 162].

В ***параграфе 2.2*** рассмотрены основы классификации нетематических глаголов, их состав, особенности функционирования и семантики.

В праславянском языке выделялись подгруппы нетематических глаголов: 1) с древней основой настоящего времени на *-ei- / *-i-; 2) на *-mь; 3) на *-a- [Мейе, 1951: 164–167]. Традиционно данные глаголы выделялись в особый 5-й класс. Сюда включались **БЫТИ / ЄѠМЬ, ѢМЬ, ДАМЬ, ВѢМЬ**, **ИМАМЬ** – слова, часто употреблявшиеся в обиходной речи, служебные функции которых в языке были весьма значительны.

Выделен ряд особенностей глаголов данной группы:

1. *Акцентология*: распределение по акцентным подгруппам (В.В. Колесов). Наиболее древние глаголы **ЄѠМЬ, ѢМЬ** – с постоянным наконечным ударением; **ДАМЬ** – с наконечным ударением; **ВѢМЬ** – с корневым; **ИМАМЬ,** самый новый по происхождению, развил акцентную подвижность [Колесов, 2005: 406].

2. *Морфемика*: не содержали тематических гласных, окончания присоединялись к корню; часть глаголов (кроме **ѢСМЬ, ИМАМЬ**) в настоящем времени имела корень на согласный **-Д**: **ВѢД-МЬ**, **ѢД-МЬ, ДАД-МЬ**; для ряда глаголов свойственна морфологическая нерасчленённость (***ем, ест,*** другие).

3. *Словообразование*: активное участие в словопроизводстве знаменательных и служебных частей речи: **БЫТИ, ВѢМЬ** участвовали в образовании союзов (**БѹДЄ, БѹДЄТ, БѹДТѲ, ЄСЛИ, ВЄДЬ; ЧТѲБЫ, ДАБЫ, АБЫ, ЯКѲБЫ**) и частиц (**БЫ, НИБѹДЬ, ВЄДЬ, БЫЛѲ, БЫВАЛѲ**).

4. *Семантика*: выражали значения важнейших сфер бытия – *экзистенциальная* семантика у **ѢСМЬ** / **БЫТИ**, *знаниевая* – у **ВѢМЬ**, *передачи / вручения* – у **ДАМЬ**, *обладания* – у **ИМАМЬ**, *приема пищи* – у **ѢМЬ**; многозначность и семантический синкретизм (кроме **ѢМЬ**).

5. *Грамматика*: длительное сохранение различения основ инфинитива и настоящего времени (**ДА-** / **ДАД-, Ъ-** / **ЪД-, ВѢ-** / **ВѢД-, ИМ-** / **ИМЪ-, ЄС(С)-** / **БЫ-**; безразличие к временной характеристике, так как их основы передавали вневременную длительность, что выражалось обобщенно типовым значением презентных форм: **ѢМЬ** соотносился с *актуальным значением* настоящего времени (равен моменту речи), **ВѢМЬ** передавал постоянное *непрерывное действие* («узнал и знаю теперь (всегда)»), **ѢСМЬ** – *постоянное вневременное*, **ДАМЬ** – *относительное* (ближайшее будущее), а **ИМАМЬ** выражал *историческое* (перфектное) время [Колесов, 2005: 400, 406].

6. *Функциональная* характеристика: некоторые глаголы 5-го класса (до XV в.) своими вариантами передавали важную оппозицию актуального / вневременного действия, то есть были способны наряду с конкретно глагольным значением получать значение вспомогательного глагола (**ѢСМЬ** / **БЫТИ, ИМАМЬ**).

7. *Стилистика*: широкое употребление во всех стилях, особенно в разговорной речи.

В современном русском языке сохранились остатки данных глаголов в виде 1-го и частично 3-го лица единственного числа **ЕМ** (> **ѢМЬ**), **ДАМ** (> **ДАМЬ**), **ЕСТ** (> **ѢСТЬ**), **ДАСТ** (> **ДАСТЬ**); отголоски древнего нетематического спряжения можно найти в ряде севернорусских говоров [СРНГ, 1972, т. 7: 278; СРНГ, 1972, т. 9: 40]. Часть бывших нетематических глаголов встроилась в современную систему (**ИМЕТЬ, ВЕДАТЬ**); другие глаголы (**БЫТЬ, ЕСТЬ, ДАТЬ**) не только устояли, но всё больше отходят от продуктивных глагольных классов [ГРЯ, 1953, т. 1: 576–577]. Устойчивости способствует высокая частота их употребления [ЧСРЯ, 1977; НЧСРЛ, 2009], поддерживающая сохранение архаичных особенностей.

Глава 3 «Синхронно-диахроническое развитие нетематических глаголов в истории русского языка: динамика языковых процессов исторического периода (на материале памятников письменности XIV–XV и XVII вв.)» – центральная часть исследования. На материале памятников письменности двух исторических эпох представлен анализ структурно-семантических и функциональных особенностей группы, проведено полевое структурирование единиц.

Этимологическая характеристика. Общей чертой, объединяющей нетематические глаголы, является *индоевропейское* происхождение их основ.

БЫТИ / ꙗ҆СѠ҆МЬ – супплетивный глагол, одно из древнейших образований данного типа и наиболее продуктивный глагол русского языка. Производящей базой послужило индоевропейское имя *bhūti-s, давшее праславянский инфинитив *byti с глагольной основой аориста и в целом основой прошедшего времени *bhū- [ЭССЯ 1976, т. 3: 155]. Семантику корня будущего времени *bǫd- < **бѫд-** (**БѪД-**) В.В. Колесов возводит к индоевропейскому корню *beudh- ‘бодрый, умственно активный’, этимологически близкого глаголу *бдить, блюду* [Колесов, 2005: 498]. Глагол **ꙗ҆СѠ҆МЬ-** – типичный представитель атематических глаголов: основа *es- (‘быть’) прослеживается в индоевропейских формах *esmi, *esi и др., из которых вышли праслав. *esmь, *esi, *estь, *esmъ, *este, *sǫtь [ЭССЯ, 1979, т. 6: 32]. **ꙗ҆СѠ҆МЬ** относится к числу самых древних глаголов атематического класса [Колесов, 2005: 389]. Корень длительного значения *es- не был способен образовывать формы аориста, поэтому формы аориста и инфинитива были заимствованы у корня *bhŭ (‘расти’ → ‘становúться’), часто заменяющего *es- [Мейе, 1951: 165]. С течением времени **БЫТИ** частично утратил значение *становления* (в процессе конкуренции с глаголом **СТАТЬ)**, но приобрел экзистенциальное значение *бытия*, семантически сблизившись с **ЕСТЬ** [Потебня, 1874, т. 2: 6].

Праславянский период стал важнейшим этапом формирования единого супплетивного образования **БЫТИ / БѪДѫ / ꙗ҆СѠ҆МЬ.** Получив одинаковое значение существования, они дополняли друг друга, расширяя лексико-семантическую парадигму и функциональные возможности нового глагола.

Глагол **ѢМЬ** также относится к числу древнейших глагольных реликтов. С **ꙗ҆СѠ҆МЬ** его сближала первоначальная невозможность образовывать аорист, но уже в общеславянский период индоевропейский корень *ed приобрёл эту способность с помощью -s-: *ědmь, *ěsti [ЭССЯ, 1979, т. 6: 53–54]. Реконструируется последовательность формирования его форм: и.-е. ***ěd-** < общеслав. ***ě(d)** < др.-рус. **ѣс-ти** / ст.-слав. **ꙗс-ти**. Начальное **ě** в глаголе восходит к ***ē** и впоследствии удержалось практически во всех славянских языках (кроме болгарского, где перешло в ja-) [Мейе, 1951].

В древнерусских летописях наблюдаются параллельные формы ст.-слав. **ѣсти** и др.-рус. **ѣсти**; постепенно **ѣсти** начала осознаваться как архаизм, связанный с высоким стилем (**ясти, яства**), сдвинувшись в пассивный запас (кроме производных слов ***ясли, яд***).

дамь – атематический глагол, продолжающий и.-е. *dō-. Считается *общеславянской* формой, образованной в балтославянскую эпоху на базе дательного и местного падежей ед. числа существительного *datь (ь < i) [ЭСРЯ, 1973, т. 5: 18], восходящего к имени *dotis [ЭССЯ, 1977, т. 4: 196], деривату и.-е. корня *dō- со значением действия «определенного» (завершенного) [Мейе, 1951: 166]. В силу этого глагол **дати** получил форму совершенного вида [ЭСРЯ, 1973, т. 5: 18].

Истоки презентной формы славянского *damь рассматриваются учеными в двух ракурсах: 1) как восходящей к *dōdmi и связанной с и.-е. формой 1-го лица ед. числа *dédōmi, мн. числа *dedmes (Бругман, Мейе, Бернекер, Траутман, Фасмер, Вайан); 2) как славянское *damь, производное от и.-е. *dōmi (Семереньи, Махек) [ЭССЯ, 1977, т. 4: 194–195]. А. Мейе полагал контаминацию настоящего времени с удвоением и корневого настоящего времени, объясняя этим наличие у настоящего времени **дамь** формы совершенного вида и использование формы удвоения *dō / *dō-də как следствие смешения двух основ настоящего времени: *de-dō, *de-də- и *dō-, *də- [Мейе, 1951: 166]. Эти особенности привели к развитию новообразования в виде производной основы старославянского происхождения **даваѭ** со значением несовершенного вида, давшей инфинитив **давати** [Мейе, 1951: 166]. Древнерусская форма **даю** (после XII в.) – вторичное образование от **дати**. Форма **даю** передавала значения актуального настоящего, **дамь** была неопределенна в отношении к грамматическому времени, иногда выступая с модальными значениями [Колесов, 2005: 402].

Глагол **вѣмь** входит в число древнейших глаголов, основа презенса которого развилась из и.-е. перфекта (без удвоения, с обобщающим вокализмом **О**) и по происхождению датируется общеславянским периодом [Мейе, 1951: 247, 249].

В текстах СС1, СС2 представлены две глагольных парадигмы: с нетематической основой **вѣд-** (семантика *непредельного действия*) и с тематической основой **вѣда-** (*действие предельное*), выделившиеся из общей и.-е. основы ***u̯(e)id-** < общеслав. ***vě(d)** < др.-рус. **вѣдѣ-ти** < **вѣда-ти**. Форма **вѣдати** – позднейшее образование при переходе к тематическому спряжению (3-й класс). Реже фиксируются производные от **вѣд-** с суффиксом -ě-, обозначавшим состояние (**вѣдѣ-**).

имамь (инфинитив **имѣти**) – общеславянское образование от и.-е. основы *em- наряду с **имѫ** (**ѧти / ѩти**) и **ѥмлѭ** (**имати**). Основное их различие, с точки зрения грамматики, в том, что **ѧти** – глагол

перфектного, а **ИМѢТИ** – имперфектного значения [Колесов, 2005: 401]. От основы *em- первоначально образовался глагол *ęti (**ѦТИ** ‘взять’), от которого в праславянском языке оформился *ьměti. Эти глаголы с разным значением функционировали уже в праславянскую эпоху (праслав. *ьměti и *ęti) [ЭСРЯ, 1980, т. 2, вып. 7: 54]. Глагол *jьmati (с суффиксом -а-, итератив-дуратив) был образован от *jęti, *jьmo на базе презентных форм последнего и имел значение многократного действия, выражая процесс приобщения объекта *jьmati (sę) ‘ловить, собирать’; был широко распространен в славянских языках [ЭССЯ, 1981, т. 8: 224–225]. Исконная форма аориста *-*ьmа-* сформировала инфинитив **ИМАТИ**, позднее вытесненный формой *-*ьmē* с обычной протезой <j> перед <ь> (**ИМѢ-ТИ**). Данная форма выражала длительное действие, в результате чего возникала аналогия со стороны инфинитивной основы на основу настоящего времени: **ИМАТИ** < **ИМАМЬ**. Глагол **ИМАМЬ** – славянское новообразование, отдалившее формы 5-го класса от **ѦТИ** – **Ꙗ҆МЛІЖ**. Форма презенса **ИМАМЬ** сформировалась в результате конкуренции различных форм времени и разных основ [Колесов, 2005: 401]. В древнерусском языке вместо презенсной формы **ИМАМЬ** (1-ое лицо ед. числа) закрепилось **ИМѤЮ** (новообразование от **ИМѢТИ**) [ЭСРЯ, 1980, т. 2, вып. 7: 54].

Из нетематических глаголов прямое ***индоевропейское*** происхождение имеет только глагол *esmi (**Ꙗ҆СМЬ**). Остальные восходят к производящим основам *индоевропейского происхождения* (*bhū-, *bǫd-, *ěd-, *dō-, *u̯(e)id-, *em-), являясь *общеславянскими* образованиями: **БЫТИ, БѫДѫ, ѢМЬ – ѢСТИ, ДАМЬ – ДАТИ, ВѢМЬ – ВѢДѢТИ, ИМАМЬ – ИМѢТИ**.

Лексико-семантическая парадигма. При классификации использован подход Л.Г. Бабенко [ТСРГ, 1999: 14], позволяющий описать глагольные парадигмы как локальную микроструктуру. Он дает возможность выстроить иерархию системы русского глагола, состоящей из трех базовых *лексико-семантических полей,* внутри которых можно провести дальнейшую стратификацию по *подполям,* формирующимся на основе более мелких *лексико-грамматических группировок слов*, маркированных базовой категориально-уточняющей семой [ТСРГ, 1999: там же].

Нетематические глаголы входят во все три базовых поля, являясь здесь важнейшими составляющими: **БЫТИ, ДАТИ, ВѢДѢТИ, ИМѢТИ** включаются в поле «Отношение»; в состав поля «Действие и деятельность» входят **ѢСТИ, ВѢДѢТИ**; ядром поля «Бытие, состояние, качество» является **БЫТИ** / **Ꙗ҆СМЬ**.

Важные критерии группы – ***многозначность*** и ***семантический синкретизм*** (кроме **ѢМЬ**), отнесенность обозначаемых понятий к сфере жизненно важных аспектов бытия и человеческой жизнедеятельности: *быто-*

вых (**ѢСТИ**), *общественно-социальных* (**ДАТИ, ИМѢТИ**), *ментальных* (**ВѢДѢТИ**), *экзистенциальных* (**БЫТИ / БЖДЖ / ЄСМЬ**), что определило их востребованность и устойчивость.

В русском языке **БЫТИ / ЄСМЬ** закрепился в составе ***поля* «Бытие, состояние, качество»,** входя в *подполя* ***«Глаголы бытия (существования)»*** (группы «Бытие, существование», «Локализация», «Событийность») и ***«Глаголы качественного состояния»*** (группы «Становление качества», «Образ жизни»). Ядро его лексической структуры – *экзистенциальные* значения. Глагол присутствует также в составе ***поля* «Отношение»**, *подполе* ***«Глаголы владения»*** (группа «Глаголы обладания»).

Лексико-семантическая парадигма глагола **БЫТИ / ЄСМЬ** в изученных текстах охватывает широкий спектр: от экзистенциальных значений существования, пребывания, свершения, становления до единичных узкоконтекстуальных (16 значений; 0,2%). Объем узких значений на двух срезах примерно одинаков (с небольшим преобладанием на СС2). Наиболее типичное значение *существования* доминирует в формах настоящего времени на двух синхронных срезах. Абстрактность значений *бытия* и *становления* обусловила у данных форм появление семантического синкретизма.

Отличительной чертой употребления глаголов в сочинениях Аввакума (СС2) является их разговорный характер (чаще всего с основой **БѪД-**): *будет годов, будет верст, будет на тебе (язва), будут домой, будут назад, хорошо будет, ладно будет*.

Глагол **ѢСТИ / ѢМЬ** включен в состав ***поля* «Действие и деятельность»,** *подполе* ***«Глаголы физиологического действия»*** с типовой семантикой ‘есть, пить что-либо // кормить, поить кого-либо чем-либо’. Его отличительная особенность – способность выражать конкретное значение (реальный процесс приема еды, пищи в реальном времени), поэтому диахронические изменения лексико-семантического характера данный глагол практически не затронули. Это способствовало, с одной стороны, устойчивости базового значения глагола **ѢМЬ**, с другой – ограничило расширение его семантических возможностей. В текстах на СС1, СС2 примеры использования **ѢМЬ** зафиксированы чаще всего в прямом значении; реже – в значении ‘питаться, насыщаться, находить пропитание’.

Наличие устойчивой семантики является характерной чертой и для глагола **ДАТИ / ДАМЬ**, сохранившего свое основное значение – ‘дать в руки (передать из рук в руки) / вручить’. Особенности **ДАМЬ**: наличие многозначности (более 10 значений в исторической перспективе, включая ‘позволить’ с инфинитивом) и семантического синкретизма, что делает особо актуальным учет контекстного окружения. **ДАМЬ** входит в ***поле «Отношение»,*** *подполе* ***«Глаголы владения»***, (группа «Глаголы переда-

чи объекта») со значениями: 1) вручение, передача неодушевленного объекта; 2) вручение, передача одушевленного объекта; 3) акт безвозмездного дарования (дарения).

Глагол **ВѢДѢТИ** исторически входит в круг ментальных глаголов со значением знания, являясь в их числе одним из ядерных. По мнению Ю.Д. Апресяна, семантика *знания* – один из наиболее фундаментальных смыслов, который не может быть истолкован через другие, более простые смыслы [Апресян, 1995: 44, 50]. Поэтому первичное значение этого глагола сформулировать затруднительно.

В разное время семантика **ВѢДѢТИ** пересекалась с семантиками других глаголов: 1) более поздним **ВѢДАТИ** (3-й класс); 2) общеславянским **ЗНАТИ** (3-й класс); в истории русской ментальности соотношение парадигм синонимических ***ведать*** и ***знать*** в разные исторические периоды существенно менялось; 3) родственным **ВИДѢТИ** (первоначально нетематический, с другой ступенью чередования). В истории и.-е. языка корни *u̯eid- / *u̯oid- и *ǵnō- по-разному делили семантическое поле *знания*.

Глагол **ВѢДѢТИ / ВѢМЬ** и производный от него **ВѢДАТИ / ВѢДАЮ** включались в несколько групп значений, связанных с процессом знания / познания: *подполе* **«Глаголы интеллектуальной деятельности»** – группы «Глаголы познания», «Глаголы понимания» (наряду с глаголом **ЗНАТИ,** а также **БЫТИ / ЄСТЬ** в отдельных компонентах), «Глаголы восприятия» (наряду с **ВИДѢТИ);** *подполе* ***«Глаголы социальных отношений»*** – группа «Глаголы управления».

В анализируемых текстах на СС1 и СС2 выявлена объемная семантическая парадигма глаголов **ВѢДѢТИ** и **ВѢДАТИ**, фиксирующая все базовые значения и их оттенки. Семантическое ядро данного глагола (‘знать’) сохраняется; семантика новых производных слов (созданных, например, с помощью префиксации) не отражает в полном виде исходную семантику, но сохраняет ее на уровне фоновой информации: **повѣдати** – ‘рассказать’ (‘передать знание, информацию кому-либо’).

Круг значений глаголов **ИМѢТИ**[1,2]**, ИМАТИ**[1,2] складывался вокруг единого семантического ядра, связанного с понятием «обладание». Различие между *jęti, *jьmǫ (***действие*** *приобщения объекта* = ‘брать, взять’), *jьmati (***процесс*** *приобщения объекта* = ‘брать, хватать’) и *jьměti (***состояние обладания*** *приобщенным объектом* = ‘иметь’) определило разные траектории их исторического развития.

В русском языке **ИМѢТИ / ИМАМЬ** включается в ***глагольное поле*** **«Отношение»,** *подполе* ***«Глаголы владения»*** (группа «Глаголы обладания»). В семантическом плане **ИМѢТИ** и **ИМАТИ** характеризуются как *многозначные* и *полифункциональные*, для них присущ семантический синкретизм (особенно для **ИМѢТИ**[1]**, ИМАТИ**[1]). Глагол **ИМА-**

ТИ[1,2] характеризовался как более конкретный (прямое активное действие – ‘брать, взять’), **ИМѢТИ**[1,2] – как более абстрактный (значение состояния – ‘иметь, владеть’).

Было выявлено, что многозначностью и семантическим синкретизмом обладают все глаголы группы (кроме **ѢМЬ**). Наиболее широкая семантическая парадигма зафиксирована у **БЫТИ / ЮСМЬ** (16 значений), что обусловлено супплетивным характером его парадигмы. Характерной чертой нетематических глаголов является устойчивость их базовых семантик (**ѢМЬ** – наиболее стабильный).

Функциональная дифференциация. Глаголы группы демонстрируют разный уровень функциональной нагрузки: **БЫТИ / ЮСМЬ** – *полифункционален* (простое сказуемое, связка, вспомогательный глагол в перфекте, плюсквамперфекте и будущем времени); **ДАМЬ** – *многофункционален* (простое сказуемое, вспомогательный глагол в конструкциях позволения); **ИМАМЬ** – *многофункционален* (простое сказуемое, вспомогательный глагол долженствования / возможности); **ВѢМЬ, ѢМЬ** – *монофункциональны* (только простое сказуемое). Зафиксированы случаи десемантизации **БЫТИ** и **ВѢМЬ** с переходом в служебные части речи: союзы (**БѹДЄ, БѹДЄТ, БѹДТѺ, ЄСЛИ, ВЄДЬ**) и частицы (**БЫ, НИБѹДЬ, БЫЛѺ, БЫВѦЛѺ**), что подтверждает высокий уровень грамматикализации данных единиц.

Вариативность основ. Выявлен разный уровень активности производящих и производных основ данных глаголов, что выразилось в количестве реализуемых ими вариантов, а также в частотности использования основ.

Наибольшее количество основ и их вариантов в наших материалах было отмечено у глагола **БЫТИ / ЮСМЬ**, обладающего сложной супплетивной природой: три базовых основы (**ЮС-, БЫ-, БѹД-**), три фонетических варианта (**С-, БѢ-, БѦ-**), один производный (**БЫВѦ-**). Малочастотный глагол **ѢМЬ** по количеству фонетических вариантов на СС1 и СС2 стоит на втором месте: четыре основы (**ѢД-, ѢС-, ѢЖ-, Ѣ-**), а также три старославянских варианта (**ѪД-, ѪС-, Ѫ-**); тематическая основа (**ѢДѦ-**) в материалах не отмечена. У **ДѦМЬ** выявлено три основы (**ДѦ-, ДѦѪ- / ДѦВѦ-, ДѦР-**), а также производная **ДѦРѺВѦ-** (**ДѦР-** и **ДѦРѺВѦ-** только на СС1). У **ВѢДѢТИ** и **ИМѢТИ** отмечено по две основы: **ВѢД- / ВѢДѦ-, ИМѢ- / ИМ-** (у тематического **ИМАТИ** – **ИМѦ-, Ѫ- / Ѧ-, ІЄМ-**). Наиболее продуктивными у **БЫТИ** является основа **БЫ-** (33,8% на СС1, 49% на СС2), у **ДѦМЬ** – основа **ДѦ-** (83,69% на СС1, 76,56% на СС2). У **ѢМЬ** на СС2 отмечено снижение форм в старославянской огласовке (с начальным **Ѫ-**) и усиление актуальности новой формы прошедшего времени на **-Л-** (с 10,53% на СС1 до 35,29% на СС2).

Конкурентные отношения основ. Выявлены и описаны конкурентные отношения внутри группы, включая тематические производные:

– **ДАМЪ** конкурировал с тематическими **ДАІ**- / **ДАВА**-; на СС1 доля нетематических форм составила 76,81%, на СС2 – 66,09% при общем повышении абсолютной частотности;

– **ВѢДѢТИ / ВѢМЪ** конкурировал с тематическим **ВѢДАТИ** (позднее вытеснен **ЗНАТИ**); на СС1 нетематические формы доминируют (88,46% глагольных форм), на СС2 их частотность сравнялась с тематическими (по 50%); именные образования от нетематической основы сохраняют высокую продуктивность (65,05% на СС1, 44,16% на СС2);

– **ИМѢТИ**[1] **/ ИМАМЪ** конкурировал с тематическим новообразованием **ИМѢТИ**[2] **/ ИМЄЮ**, а также с этимологически родственными **ИМАТИ**[1] **(ИМѪ)** и **ИМАТИ**[2] **(ЇЄМЛЮ)**. На СС1 доля нетематических форм составила 61,17%, на СС2 – 65,38% (при общем снижении частотности почти вдвое). Среди бесприставочных глаголов в индикативе доминируют бесприставочные формы глагола **ИМѢТИ**[1,2] (в большей степени – нетематический **ИМѢТИ**[1], в меньшей – **ИМѢТИ**[2]). Тематические **ИМАТИ**[1] и **ИМАТИ**[2] в формах индикатива более продуктивны при образовании производных глаголов префиксального характера.

Установлено, что высокая словообразовательная активность **ВѢМЪ** и **ИМАТИ**[1,2] способствовала сохранению их производящих основ в русском языке (ср. *поведать, заведовать, взять, принять, заём, приём*), несмотря на утрату собственных глагольных парадигм.

Производные образования. Нетематические глаголы (4651 пример) показали разный уровень словообразовательной активности: из общего количества глаголы составили 75,92% (3531 пример), производные имена и формы с признаками имен – 21,9% (1014 примеров). У глаголов **ЇЄСМЬ / БЫТИ, ДАМЪ, ИМАМЪ** превалируют глагольные формы (и глагольные функции); у глаголов второго ряда (**ВѢМЪ, ѢМЪ**) наблюдается преобладание производных имен и образований с признаками имен. Происходит процесс компенсации низкой производительности указанных основ: у **ВѢМЪ** – как результат конкуренции с глаголами **ВѢДАТИ, ЗНАТИ**, у **ѢМЪ** – по причине изначально узкого значения, ограничивавшего производство глагольных форм.

Деривационная активность. Установлены уровни префиксальной активности: 1) нулевая – глагол **ЇЄСМЬ**; 2) низкая – глаголы с основами **БЫ- / БѸД-** (3,03% на СС1 и 9,25% на СС2); 3) средняя – **ѢМЪ** (17,19% на СС1 и 27,45% на СС2); 4) высокая – **ИМАМЪ** (24,76% на СС1 и 34,62% на СС2), **ДАМЪ** (30,42% на СС1 и 45,22% на СС2), **ВѢМЪ** (34,47% на СС1 и 38,96% на СС2).

Ядерный **БЫТИ** характеризуется доминированием бесприставочных форм на обоих срезах, устойчиво сохраняя исконные значения. Периферийные глаголы **ИМАМЬ, ВѢМЬ**, напротив, демонстрируют высокую способность к образованию префиксальных форм, что является компенсаторным механизмом, направленным на сохранение позиций в системе языка.

В меньшей степени префиксация свойственна более устойчивым в семантическом отношении глаголам (**БЫТИ, ѢМЬ**; для глагола **ІЄСМЬ** указанный показатель равен нулю); для глагола приядерной зоны **ДАМЬ** префиксация более свойственна; для периферийных глаголов (**ВѢМЬ, ИМАМЬ**) – наиболее актуальна.

В текстах на СС2 отмечено увеличение уровня деривационной активности у всех нетематических глаголов (у **БЫТИ** – почти в три раза), что связано с общими процессами развития и демократизации литературного языка XVII в.

Суффиксация и другие способы словообразования. Суффиксация представлена преимущественно на уровне формирования новых основ. Общей тенденцией доисторического периода стало сокращение нетематических основ и образование на их базе тематических: **ДАТИ → ДАѴАТИ / ДАВАТИ**; **ВѢДѢТИ → ВѢДАТИ**; **ИМАТИ → ИМѢТИ → ꙗТИ / ІЄМЛЮ**. Исключение составляет **ѢМЬ**, представленный одной нетематической основой (форма **ѢДАТИ** в материалах не зафиксирована). **БЫТИ** характеризуется наличием специальной основы будущего времени **БѸД-** и тематической формы **БЫВАТИ**. Также зафиксированы случаи словообразования путём сложения основ: от **ДАМЬ** – **свѣтодавчє**, **благодареньє, благодарю**; от **ИМАТИ**[2] – **Переꙗславль**, **Богѹримца, страннопріимица**; а также конверсия: **неимѹщии** (восходит к причастию от **ИМѢТИ**, отмечено на СС2).

Диахроническая динамика (СС1 → СС2). Сопоставление двух синхронных срезов позволило выявить следующие сдвиги, наблюдаемые в частотности использования нетематических глаголов внутри их малой группы:

– глаголы **БЫТИ** / **ІЄСМЬ** и **ДАМЬ** демонстрируют *стабильность*, сохраняя первые свои ведущие позиции на СС1 и СС2;

– на СС2 отмечено *небольшое снижение продуктивности* у **БЫТИ** / **ІЄСМЬ** (на 6% по глагольным формам) при резком увеличении его префиксальной активности (почти в 3 раза – с 2,27% до 7,43%), что отражает общую тенденцию XVII в. к расширению словообразовательных возможностей глаголов;

– *значительное снижение продуктивности* на СС2 фиксируется у **ИМѢТИ**[1] / **ИМАМЬ** (на 50%), что отражает последовательное вытеснение нетематических форм тематическим новообразованием **ИМЄЮ (ИМѢТИ**[2]);

– *повышение продуктивности* на СС2 у **ѢМЬ** (в 3 раза), что объясняется усилением разговорных элементов в сочинениях Аввакума и общей демократизацией литературного языка;

– у **ВѢДѢТИ** прослеживается стабильное сохранение доли именных производных образований (на уровне 65–87%) на СС1 и СС2;

– в целом выявлены *сдвиги в перераспределении мест* по частотности нетематических глаголов внутри их малой группы. На СС1: **БЫТИ** (57,5%), **ДАМЬ** (10,7%), **ВѢМЬ** (5,5%), **ИМАМЬ** (5,5%), **ѢМЬ** (1,7%) → на СС2: **БЫТИ** (56,7%), **ДАМЬ** (12,6%), **ВѢМЬ** (8,4%), **ѢМЬ** (5,6%), **ИМАМЬ** (2,8%). Глагол **ѢМЬ** поднялся на одну позицию, сместив **ИМАМЬ** на последнее место.

Полевая структура группы. Проведенный анализ единиц группы показал, что нетематические глаголы объединяло не общее лексическое значение, а общий *грамматический* признак **(***формально-грамматический интегратор***),** состоявший в наличии архаичного, нерегулярного характера спряжения, унаследованного от более ранних исторических эпох. Более точно этот признак можно обозначить как ‘наличие нестандартной (атематической) парадигмы спряжения в настоящем времени’. Определение данного признака позволяет описать эти глаголы как малую группу, обладающую полевыми свойствами. Как и любое поле, оно характеризуется наличием ***ядра*** (наиболее типичные глаголы) и ***периферии*** (глаголы с более специфическими значениями).

Анализ источников показал, что ядро группы формировали глаголы, которые *полностью* соответствовали указанному признаку и являлись эталонным примером нетематического спряжения в изучаемые нами исторические периоды (на СС1 и СС2). Они образовывали замкнутую, непополняемую группу. Словом-лидером этой группы (доминантой поля по совокупности всех зафиксированных признаков) являлся супплетивный глагол **БЫТИ** / **ІЄСМЬ**.

Сформулированы признаки включенности в ***ядерную*** зону глаголов данной группы: 1) максимальное отклонение при спряжении от стандартной модели – нетематическое спряжение и супплетивизм (**БЫТИ** – полностью соответствует, **ДАТИ** – частично соответствует); 2) сохранность в диахронии; 3) многозначность; 4) семантический синкретизм; 5) полифункциональность; 6) деривационная активность; 7) частота использования; 8) актуальность для носителей языка. По совокупности указанных признаков в состав ядерной зоны, помимо **БЫТИ** / **ІЄСМЬ**, нами включен глагол **ДАТИ** / **ДАМЬ**.

В ***приядерную*** зону включен **ѢМЬ**, демонстрировавший, с одной стороны, важные признаки, сближавшие его с глаголами ядра, с другой стороны, – проявлявший ряд отклонений, препятствовавших его вхождению в состав ядра группы.

В зону ***периферии*** вошли глаголы, обладавшие вышеуказанными признаками не в полной мере: **ВѢМЬ** и **ИМѦМЬ**. Из-за конкуренции с более успешными тематическими образованиями они постепенно вытеснялись из языка (**ВѢМЬ**) либо смешивались с тематическими глаголами (**ИМѦМЬ** / **ИМѢТИ**[1] с **ИМѢТИ**[2]). В дальнейшем происходило все большее оттеснение их в пассивный запас, однако словообразовательная активность указанных форм способствовала сохранению их основ в составе производных слов с новыми значениями.

Граница *зоны переходности* малой группы нетематических глаголов размыта в силу вхождения в нее (с последующей утратой) ряда других глаголов, что является типичным свойством поля. Некоторые периферийные глаголы (например, ***иметь***) могут рассматриваться как переходный случай между нетематическим и регулярным спряжением.

Факторы устойчивости нетематических глаголов. Анализ механизмов поведения нетематических глаголов на двух синхронных срезах позволил выявить причины сохранения данных реликтов в системе русского языка:

– *семантический фактор*: выражение значений, относящихся к важнейшим сферам человеческой жизнедеятельности (экзистенциальная семантика, знаниевая, передачи / вручения, обладания, приёма пищи);

– *грамматический фактор*: особый тип основ, способных передавать значения вневременной длительности (наследие индоевропейского инъюнктива), что обеспечивало широкий спектр временных и модальных значений;

– *частотный фактор*: высокая употребительность в обиходной речи способствовала консервации архаичных форм и препятствовала их вытеснению регулярными моделями спряжения;

– *компенсаторный механизм*: для глаголов, утрачивающих глагольную активность (**ВѢМЬ, ИМѦМЬ**), активизируются словообразовательные процессы в сфере имён, что обеспечивает сохранение их основ в языке как части производных слов (*поведать, ведомство, заведовать, взять, принять, заём,* др.);

– *реликтовый статус*: глаголы **БЫТЬ, ДАТЬ, ЕСТЬ** ('принимать пищу') на современном этапе не встроились в продуктивные глагольные классы и продолжают сохранять архаическое формообразование (*есмь, дам, ем*), подтверждая свое особое положение чрезвычайно востребованных элементов словаря.

В **заключении** излагаются результаты наблюдений над диахроническими изменениями в малой группе нетематических глаголов на двух синхронных срезах, подводятся итоги, оценивается достижение цели и задач, намечаются перспективы дальнейших исследований.

Исследование подтвердило гипотезу: нетематические глаголы – одна из важнейших составляющих динамически подвижной сферы грамматики, описывающей экзистенциальные, социальные и физиологические аспекты бытия. Полевая модель группы нетематических глаголов, интегрирующая синхронный и диахронический аспекты, позволила объективировать процессы их языковой эволюции в исторически значимые периоды развития русского языка (XIV–XVII вв.). Установленные закономерности функционально-семантического развития, включая процессы специализации значений, утраты полифункциональности и компенсаторной активизации словообразования, имеют значимость для исторической морфологии, лексикологии и теории диахронической лингвистики в целом.

В **приложениях** представлены материалы: 1) таблица «Изменение объема семантической парадигмы простых времен нетематического глагола **БЫТИ** / **ІЄСМЬ** в хронологической перспективе»; 2) описание семантической парадигмы глагола **БЫВАТИ**; 3) таблица «Семантическая парадигма глаголов **ВѢДѢТИ** и **ВѢДАТИ**: сопоставительный аспект (по данным исторических словарей)»; 4) таблица «Лексико-семантическая парадигма глаголов **ИМѢТИ**[1,2] и **ИМАТИ**[1,2] в древнерусском языке (по данным исторических словарей)».

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в следующих направлениях: 1) расширение хронологического диапазона исследования (XVIII–XIX вв.) для наблюдения за завершающими этапами утраты нетематических форм и их фиксацией в диалектах; 2) сопоставительный анализ с близкородственными славянскими языками (украинским, белорусским, польским, чешским); 3) изучение диалектных реликтов в современных русских говорах (севернорусских, новгородско-псковских); 4) применение методов корпусной лингвистики и квантитативного анализа для построения математической модели динамики изменения частотности в хронологической перспективе; 5) исследование когнитивных механизмов устойчивости семантического ядра данных глаголов с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монография

1. Казазаева, М.А. Синхронно-диахронический подход в языкознании: проблематика и перспективы: монография / М.А. Казазаева. – Электрон. текст. дан. (3,5 МБ). – Иркутск: Аспринт, 2024. – 192 с. – ISBN 978-5-907963-01-6 (11,86 п. л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

2. Казазаева, М.А. Вѣдати или знати: к вопросу об уточнении лексического значения / М.А. Казазаева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2010. – № 2 (46). – С. 104–108 (0,5 п. л.).

3. Казазаева, М.А. Синхронно-диахронический подход в современной лингвистике: проблематика и перспективы / М.А. Казазаева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5 (26). – С. 10–15 (0,5 п. л.).

4. Казазаева, М.А. Проблема соотношения синхронного и диахронического подходов в языкознании / М.А. Казазаева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. – 2014. – № 1 (26). – С. 198–204 (0,5 п. л.).

5. Казазаева, М.А. Языковое изменение и принципы выделения синхронных срезов / М.А. Казазаева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 228–231 (0,3 п. л.).

6. Казазаева, М.А. К проблеме хронологизации исторических периодов русского языка / М.А. Казазаева // ФИЛОLOGOS. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. – Вып. 2 (25). – С. 33–37 (0,4 п. л.).

7. Казазаева, М.А. О критериях установления границ исторических периодов развития русского языка / М.А. Казазаева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 74–81 (0,44 п. л.).

8. Казазаева, М.А. Из истории функционирования нетематических глагольных образований в русском языке / М.А. Казазаева // Общероссийский научный журнал «Общественные науки». – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 65–74 (0,5 п. л.).

9. Казазаева, М.А. Особенности функционирования глагола *БЫТЬ* в сфере общерусских народных говоров и диалектной лексики Прибайкалья: сопоставительный аспект / М.А. Казазаева // Казанская наука. – Казань: Казанский Издательский Дом, 2018. – № 9. – С. 99–101 (0,25 п. л.).

10. Казазаева, М.А. Формирование культуроведческой компетенции на уроках русского языка (в русле диахронического подхода) / М.А. Казазаева // «Педагогический имидж»: научно-практический журнал. – 2019. – Т. 13, №1 (42). – С. 46–56 (0,7 п. л.).

11. Казазаева, М.А. Деривационные особенности функционирования нетематических глаголов в древнерусском языке (на материале текста «Повесть временных лет») / М.А. Казазаева // Успехи гуманитарных наук. – 2020. – № 5. – С. 177–182 (0,6 п. л.).

12. Казазаева, М.А. Формы повелительного наклонения супплетивной глагольной пары БЫТЬ / ЕСТЬ в тексте «Повесть временных лет» (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) / М.А. Казазаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. – Тамбов: ООО Изд-во «Грамота», 2021. – Т. 14, Вып. 5. – С. 1465–1470 (0,6 п. л.).

13. Казазаева, М.А. Функционирование форм глагольного слова *НЕТЬ* / *НЕТУТЬ* / *НЕТУТИ* в древнерусском языке (на материале летописного текста «Повесть временных лет») / М.А. Казазаева // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 2 (131). – С. 154–156 (0,24 п. л.).

14. Казазаева, М.А. Глаголы вѣдѣти и вѣдати в древнерусском языке: деривационный аспект / М.А. Казазаева // Казанская наука. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2023. – № 10. – С. 154–156 (0,25 п. л.).

15. Казазаева, М.А. Проблемы перевода монгольских метафор на русский и английский языки с учетом культурологического фона / М.А. Казазаева, Бадамгарава Дуламжав, Хишигдулам Нанжидмаа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2024. – № 4 (83). – С. 241–250 (1,5 п. л., авт. – 1 п. л.).

16. Казазаева, М.А. Лексико-семантические особенности форм, восходящих к индоевропейской основе *dō- (на материале «Повести временных лет») / М.А. Казазаева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2024. – № 4 (49). – С. 229–240 (1,56 п. л.).

17. Казазаева, М.А. Формирование и развитие лексико-семантической парадигмы древнерусского глагола БЫТИ / ЄСМЬ / М.А. Казазаева // Сибирский филологический журнал. – 2025. – № 1. – С. 185–195 (0,75 п. л.).

Учебные пособия

18. Казазаева, М.А. Диахронический подход в практике современного преподавания русского языка: учебное пособие / М.А. Казазаева. – Иркутск: Аспринт, 2016. – 244 с. – ISBN 978-5-4340-0118-2 (15 п. л.).

19. Казазаева, М.А. Историческое комментирование фактов современного русского языка как основа формирования культуроведческой компетенции в практике школьного преподавания: учебное пособие / М.А. Казазаева. – Иркутск: Аспринт, 2019. – 264 с. – ISBN 978-5-4340-0359-9 (16,5 п. л.).

Публикации в научных журналах базы РИНЦ, сборниках научных трудов и в сборниках материалов научных конференций

20. Казазаева, М.А. Функционирование слова «ЧТОБЫ» в современном русском языке (на материале произведений В.М. Шукшина) / М.А. Каза-

заева // Шукшинские чтения: материалы науч. конф., посвящённой памяти В.М. Шукшина, Волгоград–Клетская, 23 сентября 1998 г. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 25–29 (0,3 п. л.).

21. Казазаева, М.А. Лексико-семантические особенности глагола «БЫТИ» («БЫТЬ») в историческом аспекте (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) / М.А. Казазаева // Русский национальный язык и его функционирование на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XX века: материалы Междунар. науч. конф. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 64–72 (0,56 п. л.).

22. Казазаева, М.А. Возникновение и эволюция глагольного слова «нѣтъ» в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет» Лаврентьевского и Ипатьевского списков) / М.А. Казазаева // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: материалы Междунар. симпозиума молодых учёных «Лингвистическая панорама рубежа веков», Волгоград, 23–25 мая 2000 г. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 374–378 (0,3 п. л.).

23. Kazazaeva, M.A. The development of multivalence at verbs with abstract semantics in Old Russian language on an example of suppletive verbal pair «быти» / «есть» / M.A. Kazazaeva // Almanach «Slavica electronica pragensia». – Praha: Centr Evropy, 2001. – P. 9–42 (0,25 п. л.).

24. Казазаева, М.А. Развитие многозначности у глаголов с абстрактной семантикой (на примере супплетивной древнерусской глагольной пары «БЫТИ» / «ЕСТЬ») / М.А. Казазаева // Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания: материалы Междунар. науч.-метод. конф.: в 3-х частях. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 2001. – Ч. I. – С. 73–77 (0,3 п. л.).

25. Казазаева, М.А. Устойчивые конструкции со значением констатации свершившегося факта, оформленные глаголом «быти» (на материале летописного свода «Повесть временных лет») / М.А. Казазаева // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: материалы науч. конф., Волгоград, 24–25 мая 2002 г. – Волгоград: Перемена, 2002. – Вып 5. – С. 208–211 (0,25 п. л.).

26. Казазаева, М.А. Функционирование многозначного глагола «быть» в сфере диалектной лексики / М.А. Казазаева // Вопросы региональной лингвистики: сб. научных трудов, посвящённых памяти проф. Л.М. Орлова. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 40–43 (0,25 п. л.).

27. Казазаева, М.А. Некоторые случаи «расширения» функционально-семантической парадигмы глагола «быть» (на материале областных и диалектных словарей) / М.А. Казазаева // Теория и практика обучения русскому языку в вузе и школе: сб. науч. статей. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 43–49 (0,44 п. л.).

28. Казазаева, М.А. Инфинитивные конструкции с глаголом «быти» / «быть» в историческом и современном аспектах / М.А. Казазаева // Построение гражданского общества: материалы Междунар. гуманитарного конгресса «Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания». – Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 2002. – Ч. 3. – С. 49–52 (0,25 п. л.).

29. Казазаева, М.А. Особенности функционирования инфинитивных конструкций с глаголом «быти» в летописном своде «Повесть временных лет» / М.А. Казазаева // Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке (Традиции, инновации, перспективы): материалы Междунар. конф., Иркутск, 23–25 сентября 2000 г. – Иркутск: Иркут. гос. лингв. ун-т, 2002. – С. 77–82 (0,4 п. л.).

30. Казазаева, М.А. Префиксальные образования супплетивной глагольной пары «быти / есть» в древнерусском языке / М.А. Казазаева // Построение гражданского общества: материалы Междунар. гуманитарного конгресса «Проблемы экологии языка и культуры». – Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 2004. – Ч. 2. – С. 68–73 (0,31 п. л.).

31. Казазаева, М.А. Особенности лексико-морфологического выражения префиксальных образований от древнерусской глагольной пары БЫТИ / ЕСТЬ в тексте летописного свода «Повесть временных лет» / М.А. Казазаева // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы Междунар. конф., Волгоград, 12–14 октября 2005 г. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 436–442 (0,37 п. л.).

32. Казазаева, М.А. Словообразовательные потенции супплетивной глагольной пары «БЫТИ / ЕСТЬ» в древнерусском языке: конверсия, словосложение, префиксация, суффиксация / М.А. Казазаева // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Иркут. гос. лингв. ун-т, 2006. – С. 90–97 (0,44 п. л.).

33. Казазаева, М.А. Функционирование глагола «быти» в древнерусском языке: лексико-деривационный аспект / М.А. Казазаева // Лингвистические и методические стратегии обучения иностранцев русскому языку как средству межкультурной коммуникации: материалы Междунар. семинара-совещания, Иркутск, 21–23 сентября 2006 г. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2006. – С. 150–156 (0,37 п. л.).

34. Казазаева, М.А. Функционирование группы нетематических глаголов в древнерусском языке / М.А. Казазаева // Res paedagogica: научно-образовательный журнал. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО. – 2008. – № 1. – С. 38–47 (0,6 п. л.).

35. Казазаева, М.А. Особенности функционирования императивных форм нетематических глаголов в древнерусском летописном тексте (на примере глагола БЫТИ) / М.А. Казазаева // Проблемы славянской культу-

ры и цивилизации: материалы XI Междунар. науч.-метод. конф. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2009. – С. 132–136 (0,75 п. л.).

36. Казазаева, М.А. «Бытие в движении» и «бытие в покое»: к вопросу соотношения указанных значений у глагольных форм в русском языке / М.А. Казазаева // Русский язык в историко-лингвистическом и социокультурном поле: материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. (с элементами научной школы) молодых учёных, Иркутск, 23–25 октября 2009 г. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2009. – С. 125–128 (0,3 п. л.).

37. Казазаева, М.А. Соотношение лексико-семантического значения у глаголов ВЕДАТЬ / ЗНАТЬ (диахронический аспект) / М.А. Казазаева // Формирование филол. компетенции в обучении русс. яз. и лит-ре: материалы XVII Кудрявцевких педчтений. – Иркутск: ГОУ ВПО «ВСГАО», 2009. – С. 113–119 (0,4 п. л.).

38. Казазаева, М.А. Формирование супплетивных отношений в глагольной парадигме / М.А. Казазаева // Царицынские рождественские чтения. – Волгоград: Изд-во лицея № 8 «Олимпия», 2011. – Вып. 1. – С. 163–168 (0,37 п. л.).

39. Казазаева, М.А. Использование элементов диахронического подхода к изучению русского языка в средней школе / М.А. Казазаева // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XIV Междунар. науч.-метод. конф. – Уссурийск: Изд-во ДФУ, 2012. – С. 287–289 (0,35 п. л.).

40. Казазаева, М.А. К вопросу преподавания русского языка в русле синхронно-диахронического подхода / М.А. Казазаева // Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество: сб. трудов по материалам V Междунар. науч.-метод. конф.: в 2 ч. – М.: МИОО, 2013. – Ч. 2. – С. 36–40 (0,4 п. л.).

41. Казазаева, М.А. Еще раз о роли языковых изменений / М.А. Казазаева // Международный научно-исследовательский журнал: сб. по результатам XX заоч. науч. конф.: в 2 ч. – Екатеринбург: ООО «Импекс», 2013. – Ч. 2, № 10 (17). – С. 106–109 (0,6 п. л.).

42. Казазаева, М.А. Соотношение синхронного и диахронического состояний языка: к истории вопроса / М.А. Казазаева // Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации: сб. материалов Межрег. конф., Волгоград, 21–23 октября 2013 г. – Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2014. – С. 472–479 (0,45 п. л.).

43. Казазаева, М.А. Синхрония и диахрония как «особая» система координат языка / М.А. Казазаева // Наука и образование в XXI веке: теория, практика, инновации: сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч., Москва, 02 июня 2014 г. – М.: «АР–Консалт», 2014. – Ч. 1. – С. 79–84 (0,3 п. л.).

44. Казазаева, М.А. К вопросу о причинах языковых изменений / М.А. Казазаева // Достижения и проблемы современной науки: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Уфа, 28 июля 2015 г. – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙЗ, 2015. – Ч. 1. – С. 140–144 (0,3 п. л.).

45. Казазаева, М.А. К истории вопроса относительно разграничения синхронного и диахронического состояний языка / М.А. Казазаева // Наука сегодня: сб. научных трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Вологда, 23 сентября 2015 г. – Вологда: ООО «Маркер», 2015. – Ч. 4. – С. 20–22 (0,25 п. л.).

46. Казазаева, М.А. Проблемы установления хронологических границ развития русского языка и их разработка в трудах О.Н. Трубачева / М.А. Казазаева // Трубачевская соборная встреча: сб. материалов конф., Волгоград, 01–30 октября 2015 г. – Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2017. – Вып. 3. – С. 30–40 (0,54 п. л.).

47. Казазаева, М.А. Проблемы реконструкции языковой системы: о перспективах исследований / М.А. Казазаева // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: сб. материалов конф. – Волгоград: Изд-во ООО РА «Фортесс», 2017. – Вып. 7. – С. 8–15 (0,4 п. л.).

48. Казазаева, М.А. «Ведомости Илимской воеводской канцелярии Иркутской губернии Сибирского царства» (1648–1775 гг.) как лингвистический и исторический объект исследования / М.А. Казазаева // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Вологда, 29 ноября 2017 г. – Вологда: ООО «Маркер», 2017. – Ч. 3. – С. 17–20 (0,25 п. л.).

49. Казазаева, М.А. К вопросу происхождения и формирования группы глаголов нетематического спряжения / М.А. Казазаева // Збірник статей науково-інформаційного центру «Знання» за матеріалами XXXV Міжнародної науково-практичної конференції: «Розвиток науки в XXI столітті» 3 частина, г. Харків: збірник зі статтями (рівень стандарту, академічний рівень). – Харків: науково-інформаційний центр «Знання», 2018. – С. 73–80 (0,5 п. л.).

50. Казазаева, М.А. Варианты реализации *БЫТЬ* в речи диалектоносителей (на материале словарей Иркутской области и Байкальской Сибири) / М.А. Казазаева // Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «XXV Кудрявцевские педагогические чтения», Иркутск, 6–10 сентября 2018 г. – Иркутск: Аспринт, 2018. – С. 32–39 (0,4 п. л.).

51. Казазаева, М.А. Исторический подход при описании фактов русского языка (на примере анализа инфинитивных конструкций с глаголом БЫТИ / БЫТЬ) / М.А. Казазаева // Современные проблемы профессиональ-

ного образования: опыт и пути решения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Иркутск, 16–18 октября 2018 г. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 382–386 (0,25 п. л.).

52. Казазаева, М.А. Супплетивная глагольная пара «БЫТИ / ЕСТЬ» в составе устойчивых конструкций древнерусского языка (в тексте летописного свода «Повесть временных лет» / М.А. Казазаева // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 22 сентября 2019 г. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. – С. 6–9 (0,25 п. л.).

53. Казазаева, М.А. Нетематические глаголы в составе сказуемых разного типа в тексте «Повести временных лет» / М.А. Казазаева // Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «XXVI Кудрявцевские педагогические чтения», Иркутск, 7–8 сентября 2019 г. – Иркутск: Аспринт, 2019. – Вып. 2. – С. 25–33 (0,5 п. л.).

54. Казазаева, М.А. Обзор состояния и особенностей функционирования императивных форм нетематических глаголов в древнерусский языковой период / М.А. Казазаева // Инновационная парадигма развития современных гуманитарных и общественных наук: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 27 апреля 2020 г. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. – С. 112–115 (0,25 п. л.).

55. Казазаева, М.А. Глагольные формы *БЫТИ* в составе именного сказуемого с формами страдательных причастий в тексте «Повесть временных лет» Лаврентьевского списка / М.А. Казазаева // Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования: материалы Региональной науч.-практ. конф. «XXVIII Кудрявцевские педагогические чтения», Иркутск, 27 марта 2021 г. – Иркутск: Аспринт, 2021. – Вып. 3. – С. 15–18 (0,25 п. л.).

56. Казазаева, М.А. Глагол, «выпадающий» из общей системы: структурно-семантические особенности нетематического глагола ѢМЬ / М.А. Казазаева // Филологическое образование в современном социокультурном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «XXXII Кудрявцевские педагогические чтения», Иркутск, 29 марта 2025 г. – Иркутск: Аспринт, 2025. – Вып. 6. – С. 27–34 (0,5 п. л.).

КАЗАЗАЕВА Марианна Алексеевна

СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ГРУППЫ НЕТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 01.10.26. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 2,6. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27